

Андрей Манушин

Гавань

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.9
ББК 84(2)6
М24

Манушин А.

Гавань / Манушин А. — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 66 с.

ISBN 978-5-532-10552-2

Последние четыреста лет вся жизнь людей сосредоточена в дрейфующем по океану мегаполисе. Сэйджа — сирота с побережья, где на узком клочке земли обитают лишённые всякой надежды отбросы общества. Скованный густым смогом от плавучего города-спрута, мир Сэйджа не знает ни солнца, ни радости, а человеческое общество куда более отвратительно, чем самые зловонные трущобы и непрекращающийся ни на минуту голод. Но среди вечных мрака и нищеты к мальчику попадает безделушка, обладать которой желает и всемогущее правительство, и его противники, а для самого Сэйджа теперь начинается новая жизнь.

Сэйджа в ужасе раскрыл глаза и схватился за одеяло свободной рукой. Другая уверенно сжимала засаленный свиток. По пожелтевшей бумаге скакали, словно дразнясь, символы; неровные строчки, выведенные детской рукой. Он сел, неуклюже стараясь держать равновесие, чтобы не завалиться обратно в постель. Сознание еще проваливалось в сон, не давая ему до конца осознать простую и страшную истину.

Он проспал.

Прилив начнется уже через пару часов. За это время Сэйджа должен был обойти свой участок. Сердце заколотилось, а босые ноги зашлепали по полу. Он подхватил фонарь, от которого едва ли становилось светлее, и выскочил на улицу. Ведомость, втиснутая под мышку, неприятно давила на торчащие ребра чумазого рыжеволосого мальчугана. В кудряшках запутались перья и стружка, которыми была набита его подстилка. В животе заурчало. Мысли о засохшей корочке хлеба и почти свежей шоколадной конфете под подушкой перебивались ругательствами на самого себя. Сэйджа впервые проспал отлив, и теперь времени для работы у него практически не было. Он почувствовал изнеможение, и мечтательной дымкой всплыли в его голове несколько спасительных часов после того, как бурлящие волны обнажают грязный песок. Теперь надежды найти что-либо ценное растаяли.

Ветер на побережье был очень силен. Окрестности, скалы, пляж и море размывались в его порывах, и их темные силуэты превращались в привычный ночной пейзаж. Глаза Сэйджа заслезились, и он понял, что ему неизвестно время. В слегка побагровевших сумерках читалось раннее утро, но соленая пена была затянута блеклой пеленой глубокого вечера – это лунный свет отражался от воды бледной поганкой. Он поежился от прохлады и свежести. В кустах за скользкими ступеньками что-то дернулось и двинулось вслед за мальчиком. Он отпрянул и попятился к уже пропавшей в темноте лачуге. Из шуршащей листвы, словно сухая ветка, показался черный отросток. Сэйджа поднял камень и швырнул его в заросли. Испуганный краб засеменил прочь, клацая клешнями. Наступила тишина.

Мальчик ступал по влажному песку, увязая в нем, и внимательно смотрел по сторонам. На берегу то там, то здесь появлялись выплеснутые океаном предметы – обломки досок с плавучих пристаней, разбитые стекла бутылей из-под рома, лоскутки ткани, ржавые гвозди и пучки соломы. Все это мальчик отправлял в большой грубый мешок. Все это шло в дело. Иногда ему везло, и попадались целые сосуды и не рваная одежда. Тогда его скудный паек из хлеба и воды пополнялся несколькими видами каш. Загнанная по хорошей цене рубаха могла кормить его неделю. Но часто Сэйджа не мог проявить силу воли, и его страсть к шоколаду побеждала благоразумие. Конфеты стоили дорого. За последнее лакомство он отдал пустой флакон духов, обрекая себя на одноразовое питание.

Все, что нельзя было продать, Сэйджа приносил в дом. Этим можно топить печку, набивать подстилку, затыкать щели и укрываться по ночам. Просыпать драгоценные часы отлива – непростибельная роскошь. На побережье полно умников, желающих обчистить и твой участок.

От небольшой бухты к слоистой породе скалы. Иногда предметы утопали в песке, и их приходилось откапывать. Сегодня у него не было на это времени. Сэйджа, проклиная себя, бежал по пляжу, стараясь охватывать взглядом все пространство от серебристой глади до кустарников и поросших мхом валунов выше на склоне. Но в крошечной темноте ничего не было видно. Тусклый огонек фонарика не пробивался сквозь закопченное до черноты стекло, и Сэйджа едва мог разобрать, что лежит у него под ногами. Ночью собирательство опасно еще и тем, что можно наступить на осколок или лезвие. Тогда дела твои совсем плохи. Искатели побережья умирают от заражения крови чуть ли не каждый день, подхватив болезнь от незаметной царапины. Вещи могут обрастать водорослями, становясь домом для разных тварей. Да и песок здесь не отличался чистотой. Иногда море выплескивало на берег темные пятна топливных разливов, покрывая все находки толстой пленкой из ворвани, моторного масла и дизеля. Выходить в такие дни на работу было вредно, но возможность выбора никогда не появлялась.

Сэйджа отчаянно водил ногами по песку, надеясь наткнуться на что-то. Он подобрал несколько безделушек и пустых раковин, но до базара еще три недели, а подобные мелочи неинтересны обычным торговцам, ремесленникам или жителям трущоб. Покупатели всегда взрослые. Им не нужны ракушки, если из них не сделано ожерелье, поэтому посредник в сделках почти всегда необходим.

Впереди что-то призывно блеснуло, и Сэйджа бросился навстречу. Прочистив от песка цепочку, он вытянул из земли медальон. Приятная наощупь гравировка с письменами, тонкая резьба и качественная огранка камня в центре, между двух миниатюрных дверц кулона. Мальчик озибался по сторонам, не веря глазам. Золото. Настоящее золото! Он быстро искупал находку в море и повесил на шею. Немного подумав, спрятал амулет под одеждой. Ноги увязли во влажном иле.

Начался прибой.

Сквозь нагар на чайнике блеснул металл. Мутная водица внутри не была заметна в черноте закопченного сосуда, а потому не вызывала отвращения. Печка слабо потрескивала – последние дрова были сырыми. Живот заговорил, потом настойчиво и протяжно занял, призывая обед, и Сэйджа достал заветную сладость, развернул шуршащую бумагу, положил конфету под язык и застонал от удовольствия. Шоколад быстро таял. Оторваться от волшебного угощения было невероятно сложно. Сделав чудовищное усилие, он вытащил сладость изо рта и, завернув, убрал назад под подушку. Такое богатство нужно хранить как зеницу ока.

На берегу сегодня он не успевал записывать в протокол все, что находил, поэтому принялся заполнять ведомость теперь, перебирая холщовый мешок с находками. Никто не интересовался этими записями, но мальчик исправно вел журнал, полагая, что это помогает ему в делах. Рядом с проданным товаром он ставил крестик, отмечая, что он получил взамен или сколько монет выручил, рядом с тем, что использовал сам – галочку, а неприкажные товары обзаводились грустным кружочком и отправлялись в плохо сколоченную им тумбочку или под лавку. Это было последнее пристанище бесполезных вещей.

Пока чайник медленно нагревался, Сэйджа занялся таинственным амулетом. Он не мог разобрать письма, но они и не интересовали его. Он водил пальцами по граненому камню, в котором преломлялись редкие отблески от печки и масляного фонаря. Свет играл в нем, покрывая медальон удивительной радужной шапкой. Осторожно, боясь повредить драгоценный предмет, Сэйджа открыл его крохотные дверцы. В ту же секунду по комнате разлилось чистое и белоснежное сияние, так что жалкая лачуга загорелась изнутри ярче солнца, вспышкой озарив все побережье на многие мили вокруг. Он поспешно закрыл небольшие створки амулета, приходя в себя и часто моргая. Потом он быстро засунул его в деревянный ящичек, служивший когда-то табакеркой капитану или колонисту. Скорее всего, хозяин ее уже давно стал пищей для акул. Теперь это была сокровищница, ларец для настоящих находок. Медальон, без сомнений, был подарком судьбы.

Пламя в печи горело слабо и не могло вскипятить чайник. Сэйджа отхлебнул тухлой воды, ставшей едва теплой, и она показалась ему несказанно вкусной, будто бы он пил из ключа. Мальчик отвернулся к стене и поскорее заснул, чтобы не чувствовать голода и не тратить времени впустую. Следующий отлив придется пропустить.

Крик чаек разлетелся по побережью. Когда Сэйджа проснулся, было уже достаточно светло. Солнце, прячась за серой пеленой облаков и растворяющего все вокруг тумана, все же поглядывало на ветхую хижину с полуденной высоты. Мальчик собрался и, перекусив не успевшим заплесневеть сухарем, вышел вон.

Четверть мили до пакгаузов по пустой набережной с одинокими и крайне редкими хибарами из гнилого дерева, глины и выброшенных морем останков кораблей. Все соседи – такие же собиратели даров моря, как он. Четверть мили до бесконечных рядов зловонных барачков, перепачканных субстанцией сомнительного происхождения. Потом вереница узких троп и переулков, с навешанными над ними балкончиками, переходами и мансардами, в которых гуляющие сквозняки побережья играют концерты ничуть не хуже оркестра из кабаре на углу Болотной Впадины и Разбитых Заводей. Оттуда пол-

мили через Красное Ущелье. Тоннель, соединявший две скалы, пролегал в хребте какого-то ископаемого, размерами которого, должно быть, можно было впечатлить даже небесные светила. Шагая по костям, Сэйджа фантазировал, каким крепким был этот зверь, если спустя миллионы лет его скелет соединяет две стороны каньона лучше любого моста. Оттуда к докам, через погрузочный цех прямо к общественной пристани. Денег на частный рейс у него не водилось. Кататься за свой счет – вот же бесполезная и необъяснимая забава состоятельных магнатов, как всегда возмущился мальчик, стоя в длинной очереди порядочных и честных, то есть нищих работников.

Великая Гавань представляла собой станцию с трактиром, амбаром и топливным складом. Когда-то. Шли долгие годы, наверное, подозревал Сэйджа, даже века, и постепенно платформа обрастала кораблями. Сначала к ней причалили на вечную стоянку оружейный галеон, ставший магазином боеприпасов, корвет братьев-ремонтников, превратившийся в инструментальную лавку с услугами плотника, и плавучая батарея, ставшая надежным фортом на страже правопорядка. Капитаны этих судов со временем сколотили неподдающееся подсчетам состояние и основали знаменитые династии легендарного Первого Совета, став, таким образом, родоначальниками правящей верхушки Великой Гавани.

Волны несли на своих гребнях недели, месяца и долгие лета. К станции со всего света пришвартовывались все новые корабли, караваны и целые флотилии. Длинные столбы, на которых она стояла, сгнили, и их места заняли тысячи тяжелых якорей, привезенных пришельцами. Посреди моря росли новые кварталы, к ним присоединялись дрейфующие остовы судов и даже туши китов, и плавучий город разрастался, со временем превращаясь в центр этого мира. Пароходы и баржи поселили в своих корпусах ремесленные производства и мануфактуры, заводы вырастали в каютах паромов, отживающие свой век парусники сменялись броненосцами и субмаринами. На скованный цепями остров переселилось большинство жителей планеты. Когда удерживать такое поселение якорями стало невозможно, это дело забросили. Теперь Великая Гавань медленно

кружится вокруг своего центра и может менять свое местонахождение, повинаясь течениям. Поэтому покидая твердь всего несколько раз в год, никогда не знаешь, к какому району плавучего мегаполиса причалишь.

Само собой, проникать вглубь материков ее жители не особенно стремятся. Исследовать земли вызывается ничтожное количество смельчаков. Они никогда не возвращаются. Сказки о прекрасной жизни на твердой почве бередают умы только отчаянных мечтателей. Немногие колонисты решаются повторно заселять континенты, упоывая на рассказы о древних цивилизациях, когда-то перебравшихся на море. Истории о былом пользуются не большей популярностью, чем байки о гигантских чудовищах, обитающих в пучине. Но даже на поиски последних выделяется больше средств, чем на восстановление оставленных когда-то городов. Да и зачем? Ведь огромные кальмары, глубоководные змеи или подводные драконы могут оказаться куда полезнее, если их смогут приручить. А вот жизнь осевших на побережье людей, по сравнению с населением Великой Гавани – ад, который можно лицезреть собственными глазами.

Сэйджа выпрыгнул на скользкие мостки в искусственной бухте рядом с Площадью Форватора. Сейчас там проходила ярмарка, и он, не желая потеряться в толпе, отправился на байдарке по Мерцающему каналу до его впадения в Сливочное озеро. Оттуда он направил свое корыто через шлюзы Водоразбора к Топким прудам. Строго говоря, эта посуда не принадлежала ему. Но в общей суматохе неприглядный одноместный таз с приделанным к нему кое-как рулем-веслом показался ему вполне подходящим транспортом, тем более что он постоянно прибегал к его услугам во время своих редких визитов в Великую Гавань. Возможно, что другого хозяина это суденышко и не знало.

Высадившись у Рыбного моста, Сэйджа проследовал по ржавым переулкам и навесным балкам к Пристанищу. Под ним мелькали дешевые забегаловки и трактиры, затянутые плющом ночлежки и гостиницы моряков, узкие колеи паровых вагонеток и раскрошившаяся черепица бакалейных. Оттуда тянуло едой и нечистотами. Над головой тянулись провода телеграфа и трубки пневмопочты, а за

ними, нависая карнизами над улицей, словно хмурясь, располагались ювелирные магазины и книжные лавки. Еще выше пролегли трасы гоночных парокаров. Сверху доносились приятные запахи типографий и горячего кофе. Сквозь них Сэйджа почувствовал свежий бриз с океана.

Он пересек Радужный сквер с механическими соловьями и очутился на Паровой улице – самой широкой в этом районе. Он шел мимо витрин с одеждой и показательных стендов косметических салонов, втиснутых в высушенные и очищенные туши блювалов, размышляя, как ему продать такую редкую вещицу. Взрослые попытаются надуть его, он даже не сомневался в этом. Как ему сбыть кулон и не продешевить? Да что там продешевить, как бы его не убили! И что будет, если они откроют его? На мгновение ослепительно яркое сияние вновь появилась перед глазами.

Он осмотрелся. За столиком у ресторана, фасад которого был обтянут кожей касаток, дама и господин обсуждали перерывы в отношениях. Все это звучало слишком искусственно, потому что они старались рассуждать гипотетически, отрываясь от своего опыта.

– Я этого категорически не приемлю, – повышал голос джентльмен в клетчатом костюме. – После этого о браке можно забыть. Если это не две творческих натуры, конечно, что значит «взять паузу»? От чего? Если вам нужна пауза, серьезных чувств никогда и не возникнет.

– Я смотрю на это иначе, – улыбнулась обладательница более свободных взглядов. – Если меня, например, что-то беспокоит, я захочу все обдумать.

– И в тот момент, когда вы это сделаете, помолвке конец. Большое заблуждение, что вы решите ваши общие проблемы без своей половинки. С другой стороны, подобный способ может быть проявлением малодушия – мы все еще вместе, но я могу делать все что хочу. После этого свести общение на нет или оправдать появление третьего лица гораздо легче... Вы что-то ищете, юноша?

Сэйджа не особенно понимал, о чем они говорят, но заслушавшись, подошел слишком близко и уставился на пару. Поняв, что к нему обращаются, он неловко поклонился и попятился прочь.

Сначала он подумал, что камень можно было бы вытащить, а медальон переплавить. Но это не сильно спасло бы его, покажи он драгоценность антиквару или ростовщику из Пристанища. Там сироту, разгуливающего с золотом в поисках покупателя, либо убьют, либо одурачат. В более благополучных районах его бы просто схватили, приняв за воришку. Он проскользнул вдоль ограды Стекло-альной аллеи на проспект Переселенцев. Веселая и шумная трасса подхватила его, закружила, поднимая на воздушных потоках к кучерявым клубам дыма с фабрик и гончарных мастерских на соседнем бульваре Невольников. Он растворился в хороводе рей, на которых сушили белье, потерялся среди флагов и плакатов, вздернутых древками к самому небу, утонул в переходах между уровнями зданий, битком набитых людьми. Оказавшись в Безымянном переулке, он пропустил вперед телегу и сам вскочил на приступку сзади. Так он добрался до Камышового Дола и направился вдоль бесконечных лачуг у сточной канавы. Стены домов и ограды участков были украшены портретами чумного доктора в черном плаще. Защитная маска с клювом всегда смотрела прямо на Сэйджа, и от этого ему было не по себе. Что означали эти изображения? Неужели каждую из этих хибар посетила смерть? Его мать тоже умерла от холеры, и он ее почти не помнил. Мальчик поскорее оставил Дол позади и оказался на нижнем ярусе Великой Гавани.

Здесь народу было поменьше. Пристанище не привлекало туристов, сюда не заглядывали даже проститутки, уличные разносчики и домашняя прислуга, в нем нечего было делать состоятельным гражданам, а мигранты, имевшие хоть немного привезенного с собой имущества, предпочитали обходить его стороной. Это были территории неприкасаемых, тех, кто спустился на самое дно Великой Гавани. Это дно, конечно, было гораздо выше уровня жизни на побережье, но по меркам зажиточных горожан из предместья Восход, владельцев особняков и замков в Центральном Саду и жителей уютных кают пассажирских лайнеров, здесь могли существовать только отбросы.

Сэйджа искал глазами подходящую вывеску, по слогам читая привязанные к шпилям и фонарям таблички. Мимо пронесся кон-